

Д.Б. Рязанов

**Карл Маркс и русские люди
сороковых годов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д11

Д11 **Д.Б. Рязанов**
Карл Маркс и русские люди сороковых годов / Д.Б. Рязанов – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 91 с.

ISBN 978-5-517-83563-5

Карл Маркс и русские люди сороковых годов.

ISBN 978-5-517-83563-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

время решение этого частного вопроса помогло бы нам попутно выяснить и другой вопрос, а именно: существовало ли какое-нибудь непосредственное идейное воздействие взглядов Маркса на людей сороковых годов, и в какой форме оно могло проявиться или действительно проявилось?

Что Маркс не имел в виду именно Бакунина, тоже принадлежавшего тогда в Париже к „русским аристократам“, видно уже из того, что он его не называет, хотя имя его само собой напрашивалось. Маркс, несомненно, не преминул бы сделать это в письме к Кугельману, с которым он охотно делился фактами и впечатлениями из своей деятельности в Интернационале, если бы его суровый приговор относился именно к Бакунину или только хотя бы отчасти к нему. Ни в сороковых годах, ни после наш „апостол разрушения“, при всем его почтении к учености и гению Маркса, не принадлежал к числу восторженных поклонников, о которых пишет Маркс. Несомненно, что были другие „русские аристократы“, которые в своих поисках за „последним словом“ европейского просвещения обращались и к известному тогда среди русских левых гегельянцев и фейербахистов соредктору Арнольда Руге по изданию „Deutsch-Französische Jahrbücher“. Мы должны их поэтому искать среди русских эмигрантов и путешественников сороковых годов.

Следует оговориться, однако, что Маркс черезчур суживает хронологически цикл — своих знакомств с „русскими аристократами“. Они вовсе не относятся только к 1843 — 1844 гг., как это можно было бы заключить, опираясь на буквальный текст его письма к Кугельману. Напротив, эти встречи и знакомства, начавшись в 1843 — 44 гг., продолжались и после изгнания Маркса из Парижа и переезда его в Брюссель. Они поддерживались чрез посредство Энгельса, подолгу живавшего в Париже, да и вновь завязывались россиянами, проезжавшими чрез Брюссель.

Если для романтиков двадцатых годов главным пунктом притяжения за границей являлся Геттинген, если для „идеалистов тридцатых годов“ им служил Берлин, то уже в начале 40-х годов, вместе с протестом против правоверного гегельянства и ослабленном „галлофобии“, наиболее активные эле-

жизни русской интеллигенции начинают стремиться в Париж, в страну Оли-Симона, Кобэ, Фурье, Луи Влана и в особенности Жорж Вагд¹. Пребывание в Берлине становится менее привлекательным и потому еще, что кратковременная „весна“ начала сороковых годов в Пруссии очень скоро сменилась новым пароксизмом реакции. Не случайность, что тяга в Париж охватывает в это время с особенной силой также и немецкую интеллигенцию.

А для россиян Париж, долгое время составлявший после польской революции запретный плод, вкусить от которого дозволялось только немногим счастливым, получившим на то специальное разрешение от попечительного начальства, представлял сугубый интерес. На континенте это было тогда единственное место, где можно было наблюдать картину горячей парламентской борьбы в более или менее крупном масштабе; где можно было без особенных внешних помех познакомиться с богатой литературой по социальным вопросам; где можно было не только по книгам, но и на собраниях и в непосредственном личном общении, познакомиться с тогдашними корифеями французского социализма. Конечно, известную роль играло и то обстоятельство, что нигде тогда нельзя было с таким удобством соединять „полезное“ с „приятным“, а репутация „современного Вавилона“, устоявшаяся за Парижем, только увеличивала тяготение к нему наших „лишних людей“.

К сожалению, лишь с большим трудом можно теперь определить личный состав тогдашней русской колонии в Париже. Кое-какие указания может нам дать Анненков, оставивший в своих воспоминаниях столь часто цитируемое описание Маркса. Мы увидим ниже, что в этих воспоминаниях, несмотря на их, повидимому, фотографическую точность, встречается и немало ошибок и немало неправды. Во всяком случае, данные, приводимые Анненковым, могут послужить для нас отправным пунктом при исследовании вопроса, с какими „русскими аристократами“ мог встречаться в Париже Маркс¹).

¹) Специальная глава, посвященная проф. Emile Naumont „La culture française en Russie“ Paris, 1900 г., стр. 392—402) „русским посетителям Парижа при Луи-Филиппе“, не дает ни одного нового указания. В

II.

„Когда я прибыл в Париж по весне 1846 г., я уже застал там целую русскую колонию с главными и выдающимися ее членами, Б. и С-вым, занятую непрерывным поиском и обсуждением бытовых, исторических, философских и всяких вопросов, какие постоянно возбуждала общественная жизнь Парижа при либеральном короле Людовике-Филиппе“¹⁾.

Б., это—Бакунин, С-в—Сазонов. Бакунин переселился в Париж из Швейцарии в июле 1844 г., Сазонов основался там еще раньше.

Кроме показания Анненкова, мы имеем еще свидетельство А. Я. Головачевой-Панаевой, жившей вместе со своим мужем, И. И. Панаевым, в Париже осенью 1844 г. Оно дает нам возможность заглянуть в жизнь русской колонии в Париже в то время, когда там жил еще Маркс.

„Дешевый ресторан, куда мы ходили обедать, сделался сборным пунктом русских путешественников. Часто удостаивал являться туда Сазонов, уже четыре года как поселившийся в Париже. Он корчил аристократа, брюзжал на то, что невозможно обедать в таком кабаке, сердился на гарсона за то, что тот плохо ему сервирует обед, заказывал себе всегда дорогие блюда. Между Сазоновым и Бакуниным происходили горячие споры о французской политике“²⁾.

Головачева называет также В. П. Боткина, который в то время был еще в очень близких отношениях с Бакуниным. Во время споров последнего с Сазоновым он, по ее словам, был мучеником. Ему всюду мерещились шпионы, и в каждом посетителе, обедающем одиноко за столом, он готов был видеть шпиона и страшно сердился на спорящих. „Его вообра-

отличие от М. Неттлау, который в своей мемуарной биографии Бакунина не ограничился только русскими данными, а постарался использовать также французскую и немецкую литературу, и Naumont не сделал даже попытки разработать современную французскую литературу, вопрос о русской эмиграции в Париже оставил совершенно в стороне.

¹⁾ П. В. Анненков. „Литературные воспоминания и критические статьи“. Часть третья. Слб., 1881 г., стр. 154.

²⁾ Воспоминания А. Я. Головачевой. „Исторический Вестник“. 1889 г., март, стр. 555.

женно разыгрывалось иногда до того, что он от страха убегал из ресторана“. Что Боткин действительно жил тогда в Париже и вращался не только среди русских, но и немцев, видно также из письма Арнольда Ругэ к Флейшеру (23 ноября 1844 г.), где, говоря об одном немце, он пишет, что последний „не хуже Боткина и лучше большинства других приятелей и собутыльников Бакупина“¹⁾.

Показания Головачевой и в известной степени также и мужа ее, Панаева, не всегда отличаются правдивостью. В них чересчур силён элемент сплетни; но, если им нельзя доверять там, где речь идёт о содержании идейных разногласий, то чисто внешние черты Головачева хорошо улавливает и запоминает. Кроме названных, Головачева и Панаев²⁾ указывают ещё Николая Гавриловича Фролова, известного переводчика „Космоса“. Но он, как и Кудрявцев, жил в Париже затворником и слишком мало интересовался всем, что лежало вне сферы его специальных научных интересов, как это видно и из его писем к Огареву, опубликованных вместе с письмами других приятелей Герцена и Огарева в „Русской Мысли“.

С помощью этой переписки мы можем установить, что Н. М. Сатин жил в Париже весной 1844 г. (в письме от 3 марта 1844 г. он указывает Боткина, Сазонова, Фролова) и после опять туда приезжал из Берлина в марте 1845 г.; что Огарев, которого Головачева яко бы видела осенью 1844 г. в Париже, на самом деле попал туда только осенью 1845 г. и в январе 1846 г. уже вернулся в Берлин³⁾. Если прибавить ещё Мельгунова и какого-то помещика Клыкова, рассказав о похождениях которого в Париже Панаев смешил после своих московских друзей, то ими, повидимому, замыкается круг тех лиц, с которыми Маркс мог встречаться в Париже до своей высылки в январе 1845 г.

С кем же именно из этих „русских аристократов“ был знаком Маркс? Вспомним, что он приехал в Париж в ноябре

¹⁾ Arnold Ruge's. Briefwechsel und Tagebüchblätter aus den Jahren 1825—1880. Band. I, стр. 375.

²⁾ Панаев, И. И. „Литературные воспоминания“. Собрание сочинений. Том шестой. СПб., 1888 г., стр. 228—31, 233—34.

³⁾ „Из переписки недавних деятелей“. „Русская Мысль“. 1891 г., июль-август.

1843 г.; что первый (двойной) и последний выпуск *Deutsch-Französische Jahrbücher*“ вышел в марте 1844 г. ¹⁾); что уже в мае 1844 г. произошел раскол между ним и Ругэ; что, кроме усиленных работ по истории конвента, которую он собирался тогда написать, Маркс с головой ушел в занятия по истории социализма и осенью 1844 г. пишет свой большой памфлет против братьев Бауэров и компании ²⁾). Такая интенсивная работа исключала для него возможность принимать слишком деятельное участие в том деловом бездельи, которое представляла тогда жизнь „русских аристократов“ в Париже.

Весьма вероятно, что с русскими он познакомился у Гервега, бывшего в то время кумиром оппозиционной Германии. А с приездом Бакунина, жившего одно время в редакции „Vorwärts“, в котором принимал участие и Маркс, круг этих русских знакомств мог еще больше расшириться.

Было бы бесполезно строить теперь догадки, кто из названных выше русских, кроме Анненкова и Бакунина, был знаком с Марксом. В дальнейшем нашем изложении мы будем говорить только о тех „русских аристократах“, относительно которых мы имеем несомненные данные, устанавливающие их близкое знакомство с Марксом. Мы начинаем с Сазонова, несколько писем которого мы нашли в бумагах Маркса.

III.

„Сазонов, Бакунин, Париж,—имена эти, люди эти, городь этот так и тянут назад... назад—в даль лет, в даль пространств, во времена юношеских конспираций, во времена философского культа и революционного идолопоклонства... С Сазоновым я делил в начале тридцатых годов наши отроческие фантазии о заговоре à la Риевци; с Бакуниным десять лет спустя в поте мозга завоевал Гегеля“.

Так начинается глава о „Русских тенях“ в „Былом и думах“. Для всех историков русской литературы и интелли-

¹⁾ Mehring, F. Literarish. Nachl. etc. Band. I, стр. 335.

²⁾ А не в Брюсселе, т.-е. в 1845 г., как это утверждает Ш. Берлип в своей книге: „Карл Маркс и его время“, стр. 52.

генции сороковых годов, которым приходилось упоминать о Сазонове, воспоминания Герцена служили единственным источником, из которого они черпали без всякой критической проверки свои сведения ¹⁾. А, между тем, эта глава „Былого и дум“ представляет еще в большей степени смесь *Wahrheit und Dichtung*, которая придает мемуарам Герцена такую своеобразную прелесть, но в то же время делает их зачастую крайне ненадежным „историческим документом“.

Николай Иванович Сазонов родился в Рязани 17 июня 1815 г. и был, следовательно, моложе Герцена на три года. Они поступили почти одновременно на физико-математический факультет Московского университета.

„На второй год университетского курса, то-есть осенью 1831 г., мы встретили в числе новых товарищей в физико-математической аудитории двоих, с которыми особенно сблизились... Первый товарищ, ясно понявший нас, был Сазонов; мы нашли его совсем готовым (Сазонову было тогда 16 лет. *Д. Р.*) и тотчас же подружился. Он сознательно подал свою руку и на другой день привел нам еще одного студента И. М. Сатина“.

Так сложилось ядро первого кружка русских сэн-симонистов. Герцен оставил нам живую характеристику тогдашней студенческой жизни. Сам Сазонов в 1860 г. в биографическом очерке Герцена, следующим образом описывает кружок, в котором он принимал такое деятельное участие:

„Все, начиная от наших костюмов, указывало на самую причудливую смесь: зимой мы носили черные бархатные береты à la Карл Sand и трехцветные французские шарфы. На собраниях нашего кружка мы декламировали запрещенные стихотворения Рыльева и Пушкина и распевали наполеоновские куплеты Берашже на ряду с антифранцузскими песнями Арндта, Уланда и Кернера. Наше чтение было еще более разнообразным: мы с одинаковым усердием разыскивали тогда еще очень

¹⁾ См., напр., Венгеров, С. А. „История новейшей русской литературы“. Спб., 1885 г., стр. 6, или биографию Сазонова в „Русском биографическом словаре“, написанную Модзалевским по обычному шаблону, принятому (с немногими исключениями) в этом издании коллегских и статских советников от истории

редкие документы, относившиеся к французской революции, и сочинения Шеллинга и Окена по натурфилософии. Начиная от мистических прорицаний Якова Веме и вплоть до ямбов Барбье и „Шагреневой кожи“ Балзака—все волновало нас, все интересовало нас и вызывало в нас энтузиазм, иногда монотонный и бесплодный, но всегда искренний¹⁾.

В этой характеристике чувствуется критическое и насмешливое отношение к тому восторженному тону, который, с легкой руки Огарева и Герцена, господствовал в кружке и, вероятно, вызывал протест со стороны Сазонова. Между молодыми друзьями уже и тогда замечалось соперничество, приводившее нередко к стычкам.

„Сазонов имел редкие дарования и редкое самолюбие. Ему было лет восемнадцать, скорей меньше, но, несмотря на то, он много занимался и читал все на свете. Над товарищами он старался брать верх и никого не ставил на одну доску с собой. Оттого они его больше уважали, чем любили“.

На это стремление к первенству указывает в своих воспоминаниях и Константин Аксаков. „Замечательнее других был Сазонов, перешедший из другого отделения и принадлежавший к кружку Герцена, кружку совершенно иного склада, чем кружок Станкевича, кружку, любившему тогда эффекты и картинность. Сазонов был человек умный, но фразер и эффектер; он старался со мной сблизиться, желая сделать из меня прозелита, чего ему, однако, не удалось... Сазонов считался первым студентом; я, кажется, вторым; насколько справедлива была такая оценка, это—другой вопрос. Сазонов точно был человек очень образованный, очень много читавший, впрочем, преимущественно французских писателей; но в особенности он умел ловко себя держать, умел придавать себе вес. И помню, случалось, что он не знает того, о чем его спрашивает профессор, отвечает, ошибается, но все это с таким чувством собственного достоинства, с такой уверенностью в себе, что и профессору казалось, что Сазонов прекрасно

1) N. Sazonoff. „Alexander Herzen“. „Gaz. du Nord“, 1860, 26. Mai. Paris.

отвечает¹⁾. Эта самонадеянность и умение „себя выставить“, как видно, сильно шокировали тяжёловесного и простого отца русского славянофильства.

А как разнообразны были умственные интересы молодого Сазонова, видно было из того, что он усердно занимался также и по русской истории и, вместе с Аксаковым, отдал дань историческому скептицизму Каченовского. Для него Сазонов написал работу об исторических трудах и заслугах Миллера, которая была напечатана в „Записках“ университета²⁾.

В начале 1834 г. Герцен, Сазонов и Сатин составили программу нового энциклопедического журнала, который должен был „следить за человечеством в главнейших фазах его развития, для сего возвращаться иногда к былому, объяснить некоторые мгновения дивной биографии рода человеческого и из нее вывести свое собственное положение, обратить внимание на свои надежды“. В план издания одинаково входили как науки гуманитарные, так и естественные. Интересно распределение между участниками литературной работы: философия истории была отведена Огареву, Сазонову и Герцену, теория литературы — Огареву, а статистическим отделом, которому они все придавали большое значение, должны были заведывать Лахтин, Герцен и Сазонов³⁾.

Проект остался в области мечтаний. Тяжелая лапа московской полиции раздавила журнал в зародыше. В июле 1834 г. большинство членов кружка было арестовано. После девяти-месячного тюремного заключения, приговором 31 марта 1835 г., Герцен, Огарев и другие были разосланы по разным губерниям.

„Когда нас арестовали в 1834 году,—пишет Герцен,—и посадили в тюрьму, Сазонов и Кетчер уцелели каким-то чудом. Оба они жили в Москве почти безвыездно, говорили много, но писали мало, их писем ни у кого из нас не было.

¹⁾ Аксаков, К. С. „Воспоминания студенчества 1832—1835 годов“. Спб. 1911, стр. 30—33.

²⁾ „По мнению автора, у Миллера не было критических способностей; так, он без возражения доверился летописи Нестора“. Заметка Погодина. См. Барсуков Н. „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Том IV. Спб. 1891 г., стр. 218.

³⁾ Демке, М. „Очерк жизни и деятельности Герцена, Огарева и их друзей“. „Современный Мир“, 1906 г., январь, стр. 67—69.

Нас повезли в ссылку; Сазонову мать выхлопотала заграничный паспорт в Италию.

Отношения между Сазоновым и Герценом были уже и тогда несколько натянуты. На это намекают, между прочим, следующие слова Анпенкова: „Вопрос о том, будет ли Герцен служить действительно или только числиться на службе, занимал его самого и его друзей еще при отъезде из Москвы. Один из них, любивший отличиться в среде товарищей противоречиями их вкусам, Н. И. Сазонов, пророчил Герцену, что из него выйдет лихой чиновник, но пророчество его не сбылось“¹⁾. Об этом же свидетельствует и цитируемое нами ниже письмо Огарева.

Пробыв в Италии год, Сазонов возвратился в Москву. Там „его встретил мертвый *calm plat*, нигде ни тени сочувствия, ни живого слова... Из старых друзей один Кетчер был налицо, человек, с которым Сазонов, чопорный и аристократ по манерам, всего меньше мог идти рука об руку“. Сазонов попробовал устроиться в Петербурге, но он и там не выдержал. Его тянуло за границу, и в начале сороковых годов, вероятно, одновременно с Сатиным и Огаревым, он оставил Россию, но на этот раз устроился в Париже.

„Но дела не нашел он и тут. Шумная, веселая праздность заменяла немую, подавленную жизнь. В России он был связан по рукам и ногам, тут—чужой всем и всему. Другой, длинный ряд годов безцельно волнуемой, раздражаемой жизни начался для него в Париже. Сосредоточиться в себе, отдаться внутренней работе, не ожидая толчка извне, он не мог: это не лежало в его натуре. Объективный интерес науки не был в нем так силен. Он искал иной деятельности и был бы готов на всякий труд—по на виду, но в быстром приложении его, в практическом осуществлении и притом при громкой обстановке, при руплесканьях и крике врагов; не находя такой работы, он бросился в парижский разгул“.

Сазонов, действительно, жил и кутил во-всю. Особенной практичностью он никогда не отличался и скоро запутался в

¹⁾ Анпенков. „Идеалисты тридцатых годов“. „Вестник Европы“. 1883 г., март, стр. 129.

долгах. Когда он, в конце 1845 г., хотел вернуться вместе с Огаревым и Сатиным в Россию, он должен был остаться, потому что не имел возможности расплатиться со своими кредиторами. К этому времени относится письмо Огарева к Герцену, писанное по возвращении из Парижа в Берлин, 10 (22) января 1846 г. „Надо выручить этого человека, которого, *sauf le respect, que je vous dois* ¹⁾, я с гордостью назову своим другом. Раз запутавшись в денежных делах, он просто повернуться не может и от этого не мог с нами уехать“. И в следующем письме Огарев опять напоминает Герцену о необходимости помочь Сазонову.

Но друзья не поспешили на помощь, и Сазонов действительно попал за долги в Клиши. Так как Герцен с каким-то особенным удовольствием расписывает этот эпизод из биографии старого товарища, касаясь самых интимных сторон жизни Сазонова с грубостью, которая может быть объяснена, но не оправдана, лишь глубокой ненавистью, то мы считаем необходимым внести некоторые поправки в рассказ Герцена.

Насколько изменяла в этом случае автору „Былого и дум“ память, видно из того, что он превращает себя в очевидца и свидетеля событий парижской жизни, о которой он мог слышать только от друзей или знать из их писем. Сазонов попал за долги в тюрьму или, вернее, был туда посажен своим соотечественником, неким Меем, в то время, когда Герцен был еще в России. Вот что пишет Анненкову по поводу этой истории Боткина в письме из Петербурга от 26 ноября 1846 г.:

„Скверно сделал, даже больше, нежели скверно, сделал Мей, посадив Сазонова в Clichy за такую пустую сумму. Но так ли это? До меня дошли слухи, будто бы Сазонов писал в Москву к Огареву о своем положении в Clichy, куда посажен за долг в 15 тыс. франков, и просил немедленно прислать ему эти деньги, грозя застрелиться. На это письмо поехали к нему сестры его, одна вдова, другая девушка, умолять его, чтобы он приехал с ними домой. Дела его по имени будто

¹⁾ „Из переписки недавних деятелей“. „Русская Мысль“, 1891 г., август стр. 19. Курсив наш. Как видно, Огареву хорошо было известно, что Герцен относился к Сазонову не очень дружелюбно.